

Цзинь Шуань с облегчением вздохнул, подумав, что пьяный человек действительно легко теряет контроль, и, почесав Хань Чжоу за затылком, спросил:

— Как ты его ударил? Помнишь это?

— Помню. Я помню, как он втиснулся в кабинку и обнял меня. Я сильно толкнул его, он упал, потом встал и полез в драку, вот мы и подрались.

Хань Чжоу помнил, как парень с пирсингом в брови схватил стеклянный стакан, чтобы ударить его, но не смог, а сам получил сдачи. Потом он прижал того к столу и нанёс несколько ударов, а дальше память отказывала. Даже не помнил, как добрался домой. Он поднял голову и посмотрел на Цзинь Шуаня:

— Я не покалечил его?

— Ты ударил довольно сильно, — Цзинь Шуань смотрел на него, в глазах мелькнула лёгкая тревога. — В следующий раз, если что-то подобное случится, не лезь в драку. Дай мне разобраться, хорошо?

Как бы ни хотелось провести с Цзинь Шуанем всю жизнь до старости, каждое утро, просыпаясь, Хань Чжоу думал только о четырёх словах: «Не хочу жить».

Этой ночью он проспал чуть больше часа. Хотя он ворчал и не хотел вылезать из-под одеяла, после завтрака всё же был вынужден поехать с Цзинь Шуанем в студию, потому что Линьлинь взяла отгул, и ему нужно было подменить её в первой половине дня.

— У тебя же есть внештатные преподаватели на подмену? Неужели никто не может подменить на полдня? — Цзинь Шуань повернул руль, бросив взгляд на зевающего пассажира. — Зачем так себя изматывать?

Хань Чжоу приподнялся на сиденье, закрыл глаза, наслаждаясь теплом бабьего лета:

— Есть те, кто может заменить на короткое время. Но раз уж я встал, сидеть дома одному скучно, лучше пойду на работу, заодно по дороге побольше с тобой пообщаюсь.

Цзинь Шуань улыбнулся, вспомнив, как накануне вечером в баре этот человек сделал ему откровенное признание, и не удержался от вопроса:

— То, что ты сказал мне прошлой ночью, правда?

— Что именно? — Хань Чжоу слегка опустил солнцезащитные очки, обнажив заспанные глаза.

— Признание в любви. — Цзинь Шуань намеренно не стал говорить прямо, включил мягкую боссанову и с довольной улыбкой стал ждать.

Хань Чжоу почесал висок. В его памяти этого эпизода не осталось — после того как Лу Е ушёл, он одиноко сидел и пил, потом в полузабытьи увидел Цзинь Шуаня, они, кажется, немного поговорили, а потом поцеловались. Что именно говорили, он толком не помнил.

— Смотришь так загадочно... Неужели я при всех восхвалял твои достоинства? — Хань Чжоу часто выражал свою любовь, поэтому он подумал, что если Цзинь Шуань специально затронул эту тему на следующий день, то это, скорее всего, были не обычные любовные речи.

Цзинь Шуань промолчал, его улыбка слегка потухла. Хотя он знал, что Хань Чжоу

действительно был пьян, он всё же надеялся, что тот запомнил его слова, что фраза «Я влюбился в тебя с первого взгляда» была правдой, а не просто пьяным бредом.

— Ты сказал, что влюбился в меня с первого взгляда, и обижался, что я этого не знал.

— А? — Хань Чжоу опешил.

Вообще, он иногда и сам размышлял, пытаюсь понять, когда именно осознал, что ему нравятся мужчины. Самый ранний момент, который он мог вспомнить, был связан с той болезнью, когда он проснулся в больнице и, открыв глаза, увидел Цзинь Шуаня — тогда в его сердце возникло лёгкое странное чувство. Но если вернуться к их первой встрече за ужином, он в лучшем случае восхищался его талантом и красотой, других мыслей не было.

Хань Чжоу слегка раздосадованно вздохнул. В принципе, неважно, кто первым влюбился, ведь они уже вместе, и ни он, ни Цзинь Шуань не придавали этому значения. Но из-за его пьяного бреда у Цзинь Шуаня появились ожидания, и если он не получит подтверждения, это, несомненно, вызовет разочарование. Однако он не хотел лгать, не хотел вносить в их честные отношения никаких ненужных скрытых проблем.

Хань Чжоу криво усмехнулся, потянулся и погладил Цзинь Шуаня по плечу:

— На самом деле, симпатия у меня к тебе возникла во время той болезни. Это была наша вторая встреча, так что это тоже можно считать любовью с первого взгляда. Это был первый раз, когда я почувствовал влечение к мужчине.

Цзинь Шуань, услышав его сдержанный тон, понял, в чём дело. Это действительно не имело большого значения, но в его сердце всё же осталась лёгкая пустота. Впрочем, он решил оставить это в прошлом. Припарковав машину, он повернулся к Хань Чжоу с улыбкой, потрепал его за мочку уха:

— Не забивай голову, всё в порядке.

Хань Чжоу взял его руку и, подняв голову, увидел впереди знакомую фигуру.

— Лу Е! — крикнул он, опуская окно.

Лу Е остановился, его взгляд был похож на взгляд пойманного вора, слегка испуганный.

— Брат Чжоу, ты на работе? — Он и Линьлинь накануне в соседнем шашлычной слышали о драке Хань Чжоу и думали, что тот сегодня не появится, но, к их удивлению, встретили его у входа.

— Проснулся рано, вот и пришёл. — Хань Чжоу попрощался с Цзинь Шуанем до обеда, после чего вышел из машины и направился к Лу Е. — Ты что здесь делаешь?

— Кхм! — Лу Е почесал шею, смущённо улыбаясь. — Вчера пили до шести утра, так что... снял номер в ближайшем отеле.

Хань Чжоу взглянул на пластиковый пакет в руках Лу Е, из которого торчали две соломинки — видимо, завтрак на двоих. Он глубоко вздохнул, чувствуя, как внутри него зреет импульс, готовый вырваться наружу.

— Лу Е... — Он сделал паузу, словно борясь с последними сомнениями. — Как друг тебя и

Линьлинь, я должен сказать тебе одну вещь, независимо от того, уместно это или нет...

Их отношения с Линьлинь были как ежегодный показ сериала «Возвращение жемчужной принцессы» — то начинались, то заканчивались, без конца. На самом деле, будь то мужчина или женщина, они могут плакать и быть уязвимыми, но если они колеблются и не берут на себя ответственность, это в конечном итоге вредит обоим.

Как говорится, чужих в свои отношения не пускают. Хотя Хань Чжоу устал наблюдать за ними со стороны, он не хотел лишнего говорить. Но человеку свойственны порывы, иногда ему казалось, что внутри него живёт капризная и жестокая принцесса, которая время от времени ради минутного удовольствия вырывается наружу и заставляет его наживать врагов.

Он засунул одну руку в карман, провёл костяшкой пальца по нижней губе:

— Чувства — очень хрупкая вещь. Если ты решишь взять их в руки, то держи крепко и ровно. Какое бы давление на тебя ни оказывали, не шатайся и не отпускай, иначе...

— Эй, брат! — Лу Е тут же перебил его. Он был как ученик, ненавидящий учёбу, которого родственники на праздниках спрашивают об успехах, — ему было неловко, он боялся, что его слабость выставят напоказ. Он крепко сжал пакет в руках, затем приподнял его:

— Я понимаю, о чём ты... Мне нужно идти, до отеля ещё далеко, а еда остынет.

— Ладно, иди. — Хань Чжоу хлопнул его по спине, проводил взглядом, как тот поспешно скрывается, и, постояв немного на месте, почесал голову и направился в студию.

После обеда Цзинь Шуань выкроил время и сходил в торговый центр. Последние события заставили его по-новому взглянуть на Хань Чжоу. Будь то крайняя привязанность, которую тот проявлял к нему в пьяном виде, или жестокость, с которой он избил человека, или даже его полу-шутливые, полу-серьёзные намёки при виде отношений Сюй Гуанмао и его жены, которые лишь внешне казались гармоничными, — всё это заставляло Хань Чжоу казаться менее уверенным в себе, чем обычно.

Но независимо от того, были ли эти тревоги вызваны влиянием других личностей или изначально принадлежали самому Хань Чжоу, Цзинь Шуань чувствовал, что обязан его успокоить, потому что в конечном итоге все эти эмоции принадлежали Хань Чжоу.

Все любовные и брачные отношения устроены так: сначала притягивают достоинства друг друга, в процессе общения постепенно обнаруживаются шипы и недостатки. Если у обеих сторон хватит терпения принять, простить и исправить их, то такие отношения могут быть долгими и прочными.

Продавщица, увидев, что он долго бродит между несколькими ювелирными витринами, не удержалась и предложила ему эксклюзивные дизайнерские украшения, которые не были выставлены в зале.

Это были очень красивые кольца с бриллиантами, центральные камни во многих были немаленького карата, некоторые были окружены россыпью мелких бриллиантов, другие имели только изящный центральный камень. Дизайн колец в целом был чистым и живым, очень подходил для подарка девушке.

— Нет, — Цзинь Шуань покачал головой. — Я хочу подарить это своему мужу, эти дизайны слишком изящны.

— А? — Продавщица опешила, невольно улыбнулась, после чего предложила ему несколько моделей, подходящих для мужчин.

К сожалению, ни один из этих вариантов не понравился Цзинь Шуаню. Он всегда считал, что символ любви должен быть таким же, как и сам человек, — нужно, чтобы сердца бились в унисон, а при взгляде на него сердце замирало. Поэтому, вернувшись домой вечером, он продолжил листать семейный альбом с драгоценностями. Его семья имела глубокие корни, но из-за тяжёлых потерь в войне богатства нескольких поколений перешли на его имя, среди которых было немало драгоценных камней и нефрита.

<http://bllate.org/book/15564/1415634>